

1. В ряде случаев уголовные дела без установления оснований к возбуждению уголовного дела, а лишь по факту, возбуждаются и при отсутствии оснований, прямо указанных в части второй статьи 209 УПК АР, то есть с нарушением действующего в Азербайджанской Республике уголовно-процессуального законодательства;

2. Относительно невысокий процент дел, возбужденных по факту (5.3 % к числу возбужденных уголовных дел) свидетельствует лишь о том, что в Азербайджанской Республике такие преступления как: убийства, умышленные поджоги и другие подобные им тяжкие преступления, при обнаружении которых и возможно возбуждение уголовного дела по факту, совершаются, относительно иных преступлений, достаточно редко.

Статья 207 УПК АР устанавливает способы проведения проверки по полученному сообщению о преступлении:

- получение объяснений;
- истребование дополнительных документов у заявителей;
- осмотр места происшествия.

В части четвертой статьи 207 УПК АР содержится запрет на производство иных (кроме осмотра места происшествия) следственных действий. Однако это положение противоречит части 1.2 этой же статьи, из смысла которой следует, что в стадии возбуждения уголовного дела допускается еще и производство экспертизы.

На практике, в стадии возбуждения уголовного дела, экспертизы в Азербайджанской Республике назначаются довольно часто – почти по каждому третьему (30.2 %) уголовному делу.

Объясняется это тем, что в общей массе значительный удельный вес преступлений против личнос-

ти. В этих случаях необходимо определить степень вреда здоровью, причиненного преступлением. Для этого и назначаются экспертизы.

УПК АР, в отличие от УПК РФ прямо не предусматривает возможности в стадии возбуждения уголовного дела назначения ревизий и документальных проверок. Однако, фактически, такая возможность предусмотрена частью третьей статьи 207 УПК АР. По смыслу закрепленных в ней норм дознаватель, следователь, прокурор, в случае необходимости проведения проверки деятельности юридического лица, выносит постановление, которым поручает соответствующему государственному органу или аудиторской организации обеспечить выделение специалиста для проведения проверки деятельности юридического лица, который и проводит такую проверку. При этом в УПК АР прямо запрещается проведение таких проверок самим дознавателем, следователем или прокурором.

Изучение практики показало, что ревизии и (или) документальные проверки в стадии возбуждения уголовного дела назначались по 5.2 % от числа всех возбужденных уголовных дел.

Осмотры места происшествия проводились практически по каждому возбужденному уголовному делу. В 100 % случаев истребовались справки о судимости, в 9 % случаев иные документы. В 74 % случаев в стадии возбуждения уголовного дела были получены объяснения.

Рассмотренными выше вопросами не ограничиваются особенности законодательного регулирования и правоприменительной деятельности при возбуждении уголовных дел, некоторые из которых будут предметом дальнейших исследований.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. Баку, 2004.

А.А. Михайлов

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Юридический институт Томского государственного университета

В уголовном процессе России существуют два основных подхода к решению вопроса о правовой природе и сущности обвинения. Сторонники первого из них считают обвинение самостоятельным правовым средством, с помощью которого осуществляется защита публичных и частных интере-

сов от преступных посягательств, а само оно, в общем виде определяется как выдвинутое в установленном уголовно-процессуальным законом порядке утверждение о совершении лицом преступления (см.: [1, с. 13; 2, с. 28–29; 3, с. 165–168] и др.). Указанный взгляд на обвинение находит отражение в

определении обвинения, которое дает законодатель в п. 22 ст. 5 УПК РФ.

Однако часть ученых придерживается иной точки зрения на обвинение, в соответствии с которой оно имеет исковую природу (см.: [4, с. 38–44; 5, с. 75–83; 6, с. 15–41; 7, с. 105–115; 8, с. 33–47] и др). При рассмотрении обвинения в качестве уголовного иска большинством сторонников данной концепции выделяются следующие его основные признаки: во-первых, обвинение – это требование защиты правопорядка или субъективных прав и законных интересов от преступных посягательств. Во-вторых, данное требование обращено к суду против обвиняемого.

Как представляется, верным является первый взгляд на правовую природу и сущность обвинения. Разграничение обвинения и иска как двух самостоятельных правовых средств защиты нарушенных прав и интересов имеет исторические корни. Несмотря на то, что для древнерусского права в случае совершения преступления была характерна исковая форма защиты, в тот период ещё не было различий между уголовным и гражданским процессами [9, с. 584; 10, с. 637, 641–642], и, как пишет М.А. Чельцов-Бебутов, «каждый «иск» являлся, в сущности, «обвинением»: всякое притязание носило деликтный характер» [11, с. 642]. При этом судить о сущности какого-либо явления можно лишь в случае, когда оно получило достаточное развитие и в основном сформировалось [12, с. 234].

Обвинение все более отделялось от иска по мере развития и изменения характера уголовного преследования, с одной стороны, результатом, а с другой стороны, предметом которого оно является. На ранних стадиях развития уголовного процесса, когда тот существовал в обвинительной форме, уголовное преследование осуществлялось лицами, потерпевшими от преступления¹. Постепенно, когда государственная власть приобретает все более централизованный характер, а уголовный процесс становится розыскным, уголовное преследование переходит к государству. Государство сосредоточивает в своих руках данную деятельность, однако при этом принимает на себя ответственность по защите не только государственных, но и общественных и, тем самым, частных интересов, заключающихся в том, чтобы лица, совершившие преступления, были наказаны. Уголовное преследование для его осуществления вверяется соответствующим государственным органам и должностным лицам. Но даже тогда, когда выявляются многочисленные недостатки розыскного процесса и требуется его реформа в духе состязательности, как отмечает Н.В. Муравьев, «развившийся и окрепший принцип государст-

венности уже не допускает оставления уголовного преследования в частных руках и, признавая в ней неотъемлемый атрибут государственной власти, вручает его прокурору» [15, с. 13]. Частным лицам возвращается право осуществлять уголовное преследование только по незначительному числу видов преступлений.

Процесс развития обвинения, уголовного преследования, а также в целом уголовного процесса, напрямую связан и с происходившими изменениями в уголовном праве. Если в Русской правде преступление обозначалось термином «обида», под которой понималось причинение потерпевшему материального или морального вреда [16, с. 47; 17, с. 61], то с централизацией государственной власти все большее место среди запрещенных законом под страхом наказания деяний занимают преступления, затрагивающие государственные интересы, и уже в Судебнике 1497 г. преступление именуется «лихим делом» [18, с. 62]. Одновременно формируется взгляд на преступление, как на деяние, посягающее в основном на публичные интересы. Данная тенденция, по мере развития процесса централизации в государстве, только усиливалась. Для защиты публичных интересов требовалось правовое средство, также имеющее публичный характер и отличное от иска. Когда же государство по отдельным видам преступлений, относящимся к категории дел частного обвинения, передает право уголовного преследования частным лицам, им предоставляется и данное средство защиты.

Таким образом, природа процессуальных средств, используемых различными процессуальными отраслями права, вытекает из специфики прав и интересов, для защиты которых предназначены эти средства, характера деятельности, в ходе которой осуществляется их защита, а также из специфики норм материального права, которые реализуются через тот или иной вид процесса.

Иск всегда выступает требованием. Данная сторона сущности иска в основном выражена в таком его элементе как предмет, который характеризует иск с точки зрения того, что конкретно требует, чего добивается истец от суда [19, с. 457]. Если обвинение рассматривать в качестве иска, то его предметом должно служить требование о наказании подсудимого конкретным видом наказания с указанием его размера, а суд уже не сможет при вынесении обвинительного приговора применить к осужденному иную меру наказания, так как в противном случае, он выйдет за пределы исковых требований. Однако суд не должен быть связан позицией обвинителя относительно вида и размера наказания. Отступление от этого правила являлось бы нарушени-

¹ Об истории развития уголовного процесса России см.: [13, с. 581–613; 14, с. 621–828].

ем закрепленного в ст. 6 Уголовного кодекса РФ принципа справедливости уголовной ответственности, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, и не соответствовало бы назначению уголовного процесса. Согласно ч. 2 ст. 6 УПК РФ только справедливое наказание отвечает назначению уголовного судопроизводства. Право наказания лиц, совершивших преступления, применения к ним иных мер уголовно-правового характера принадлежит исключительно суду, что прямо отражено в ч. 1 ст. 29 УПК РФ. В соответствии же с ч. 5 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель, а согласно ч. 2 ст. 43 УПК РФ и частный обвинитель высказывают суду только предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. УПК РФ не предусматривает в обвинительном заключении или обвинительном акте, которые, по мнению сторонников концепции уголовного иска, оформляют уголовный иск, указания на требование к суду о защите правопорядка или нарушенных субъективных прав и меры наказания. Поэтому обвинение – это не требование, а утверждение о совершении обвиняемым преступления. Именно данное утверждение, выдвинутое в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, является предметом спора между обвинителем и обвиняемым в уголовном процессе, предметом рассмотрения и разрешения в суде.

Различие правовой природы и сущности обвинения и иска, обуславливает различие их структуры. Если элементом иска наряду с его предметом является основание иска, разделяющееся, в свою

очередь, на фактическое и юридическое¹, то структуру обвинения составляют формулировка обвинения и квалификация преступления. При «наложении» элементов иска на составные части обвинения, за границами обвинения оказывается предмет иска – конкретное требование, выступающее способом защиты нарушенного права или интереса, а формулировка обвинения и юридической квалификации будут соответствовать, да и то не полностью, фактическое и юридическое основания иска.

При рассмотрении обвинения в качестве уголовного иска фактически выводится за пределы уголовного процесса досудебное производство. А.С. Александров, называя досудебное производство деятельностью по подготовке оснований уголовного иска стороной обвинения и возражений против него стороной защиты, прямо пишет о том, что данная деятельность не должна носить процессуальный характер, а судопроизводство начинается с момента предъявления уголовного иска – придания обвиняемому суду [21, с. 41]. Однако если в досудебном производстве ещё нет обвинения (уголовного иска), то неясно, как можно подготовить возражения на него. В результате реформирования досудебного производства в таком духе будут существенно уменьшены процессуальные гарантии права обвиняемого на защиту.

Обвинение, возникнув в ходе осуществления уголовного преследования на стадии предварительного расследования (по делам публичного, частно-публичного, а в некоторых случаях и частного обвинения), представляет собой цельное явление, которое при отсутствии оснований для прекращения уголовного преследования исчезает лишь окончательно «растворившись» в обвинительном приговоре суда или будучи отвергнутым при оправдании последним подсудимого.

Литература

1. Бобылев М.П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России: Автореф. дис...к.ю.н. Уфа, 2004.
2. Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974.
3. Парадеев В.М. К вопросу о понятии обвинения // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат-лы междунар. научн.-практ. конф. В 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 2.
4. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2.
5. Он же. Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. 2000. № 3.
6. Круглов И.В. Уголовный иск и механизм его доказывания: Дис...к.ю.н. Новгород, 2001.
7. Полянский Н.Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. №1.
8. Шифман М.Л. Прокурор в уголовном процессе (стадия судебного разбирательства). М., 1948.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д., 1995.
10. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
11. Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч.

¹ Некоторые ученые выделяют также сторон как элемент иска. См.: [20, с. 455–456].

12. Теория государства и права. Учебник. / Под ред. В.М. Корельского. М., 1999.
13. Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч.
14. Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч.
15. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России.
16. Краткая редакция. Текст по академическому списку. Правда Росская // Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 1.
17. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
18. Наумов А.В. Указ. соч.
19. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2004.
20. Осокина Г.Л. Указ. соч.
21. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2.

А.П. Михайлов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

Учебный центр при МВД Республики Адыгея, г. Майкоп

Одной из актуальных проблем современных развитых стран является прогрессивная динамика правонарушений несовершеннолетних. Правовая девиация является неотъемлемой характеристикой любой социальной системы; она выражает неустрашимое до сего дня архетипичное противоречие между «общественным благом», как оно зафиксировано в праве, и личным интересом, понимание которого индивидуально и ситуационно. Особенно сильно это противоречие представлено в формирующихся личностях – как в силу неустойчивости привычки подчинять свою активность социальному диктату в разных его проявлениях, так и вследствие этого – слишком бурной фантазии на тему «все возрастающих потребностей индивидуума».

Современные социокультурные условия Российского общества, безусловно, не приемлют системы государственного патернализма в вопросах воспитания подрастающего поколения, выдвигая в качестве альтернативы, концепцию главенства свободы личности, обеспечения ее прав на самореализацию, творчества и духовной независимости.

Реформы 90-х гг., вводя рыночные механизмы в систему производства и управления, существенно ослабили контролирующую функцию государства, хотя ее сохранения по-прежнему требовали объективные условия организации экономики и естественные монополии.

В общем комплексе институциональных изменений в области государственной политики по противостоянию криминализации молодежной среды, особое место должна была занять реформа правосудия, и, в частности, в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Хотя, как отмечают специалисты, «... в целом и в советское время подход

к преступности несовершеннолетних, характерный для ювенальной юстиции, не состоялся» [1, с. 73], тем не менее, советская практика предложила иной ответ на проблему малолетней преступности – Комиссию по делам несовершеннолетних.

Этот орган функционировал на основе Положения 1967 г., в соответствие с которым до 1999 г. занимался разбором правонарушений несовершеннолетних, работал с родителями, не выполняющими обязанности по воспитанию детей, решал вопрос о направлении несовершеннолетнего в детский приемник-распределитель, специальные школы и ПТУ закрытого типа, т.е. функции КДН во многом были схожи с функциями суда.

Закон 1999 г. переориентировал деятельность КДН на защиту прав несовершеннолетних. Однако это не повлекло за собой изменения набора инструментов. Они остаются ориентированными на выявление правонарушителя, принятие к нему мер воздействия (по аналогу судебной модели) и совсем не предполагают какие-то способы обеспечения помощи несовершеннолетнему, защиты его интересов. В распоряжении КДН по-прежнему существуют следующие способы/инструменты воздействия на несовершеннолетнего: выговор, строгий выговор, штраф, направление дела в суд для принятия решения о помещении несовершеннолетнего в ЦВИНП, спецшколу/спец. ПТУ» [2, с. 30].

Комиссии осуществляли важную функцию координации всех ведомств, которые участвовали в профилактике подростковой преступности [там же, с. 31].

В своей деятельности, в советский период, Комиссии опирались на целую сеть организаций – родительские комитеты школ, пионерские дружины,